

Библиография в трактовке Б. С. Боднарского

Отрывки из публикуемой нами статьи приведены в составленной С. А. Рейсером «Хрестоматии по русской библиографии с XI века по 1917 г.». Эта книга выпущена Государственным издательством культурно-просветительной литературы в Москве в 1956 г., а потому сама постепенно превращается в букинистическую редкость. Статья Б. С. Боднарского «Библиография, как синтез книжной мысли» из журнала «Библиографические известия» за 1916 г. «старше» хрестоматии ровно на 40 лет, а потому ещё менее доступна для большинства наших читателей. Что касается актуальности и полезности приводимой информации, то для готовящих подобного рода материалы эти критерии служат важнейшими ориентирами и критериями отбора любых статей для нашей рубрики «Из Научно-библиографического архива РКП».

Мы уже не раз публиковали статьи из «Библиографических известий» — по-настоящему научного периодического издания первого в истории объединения отечественных библиографов — Русского библиографического общества. Редакционная коллегия состояла всего из трёх человек: Б. С. Боднарского, Н. М. Лисовского и У. Г. Иваска, но львиную долю редакторской, да и публикационной работы выполнял бессменный главный редактор в лице Богдана Степановича Боднарского (1874–1968). За 16 лет своей истории (журнал выходил в 1913–1927 и 1929 гг.) было опубликовано более 50 программных статей практически всех ведущих специалистов книжного дела той эпохи по проблемам не только библиографии, но и книговедения,

библиотекovedения и издательского дела, а также 70 рецензий на библиографические указатели и другие издания, 26 библиографических обзоров, свыше 50 некрологов, около 800 хроникальных заметок.

На протяжении всего периода существования журнала основными вопросами были определение библиографии как науки и области практической деятельности; её место в системе книговедения и других наук; принципы, типы и виды библиографии; методика библиографической деятельности; проблемы терминологии. Особое место занимали споры о целесообразности исчерпывающей библиографии. Именно этот вопрос пытался как-то решить на базе разумного сочетания принципов исчерпываемости и «выборности» Б. С. Боднарский в помещаемой ниже статье, которая во многом актуальна и для нашего времени. Ведь даже имеющиеся сегодня государственные органы и компьютерная техника не могут решить те же проблемы, с которыми сталкивались 100–150 лет назад энтузиасты-одиночки, которые пытались «объять необъятное», т. е. библиографически целиком и полностью зафиксировать всё издательское наследие прошлого и своего времени. Б. С. Боднарский исходил из общественного назначения библиографии, выделяя и обосновывая необходимость существования двух её главных видов. Это, во-первых, «исчерпывающая», «полная», строгая, т. е. научно-вспомогательная библиография, а во-вторых — «рекомендательная», т. е. прикладная библиография. Отметим, что именно Б. С. Боднарский впервые употребил данный термин.

Кроме этого обстоятельства, нужно остановиться на жёсткой критике со стороны Б.С. Боднарского, адресованной Ю.Ю. Битовту. На наш взгляд, она не справедлива, но вполне объясняется полемическим запалом автора, который не мог знать все обстоятельства жизни и деятельности критикуемого персонажа. Они, кстати, не совсем ясны и сегодня, но основная информация имеется, и мы её приводим ниже.

Битовт Юрий (Георгий) Юлианович (1860-е — не ранее 1919) — русский библиограф и букинист, автор оставшихся неопубликованными обширных указателей литературы об Отечественной войне 1812 года и о Москве (3 тома). Работал более 20 лет над «Российской библиографией» — сводным каталогом всех отечественных книг, изданных с 1708 г. Планировался выпуск минимум 15 томов этого каталожного издания, но все собранные биб-

лиографические материалы сгорели при пожаре дома Битовта на окраине Москвы в 1913 г. Из опубликованных указателей этого библиографа наиболее известны «Граф Л. Толстой в литературе и искусстве» (М., 1903) и «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века» (М., 1905).

Но, конечно, главное в данной статье — не обличение Битовта, а манифест библиографии как квинтэссенции книжной, да и любой другой культуры, ключа к сокровищам человеческой мысли, своего рода навигатора в море всевозможных публикаций. Эта идея актуальна для нашего времени, когда «революционеры от информатики» стремятся если не полностью убрать библиографию как науку и практику со сцены преподавания и обслуживания читателей, то превратить её в некую третьестепенную и вспомогательную сферу деятельности историко-культурного назначения.

Б.С. Боднарский

Библиография, как синтез книжной мысли

Давно и крепко упрочилась за библиографией репутация прикладного искусства, способствующего нахождению нужных справок в лабиринте литературы.

Это-то наиболее ярко выступающее свойство библиографии и наделило ее столь известными эпитетами, как «арядина нить», «ключ знаний» etc.

Отрицать за библиографией характер справочного механизма, конечно, невозможно; однако более глубокое проникновение в сущность библиографии заставляет признать, что такой взгляд на нее является односторонним.

И нам хотелось бы показать, что значение библиографии, кроме общепринятого, и во всяком случае не меньшее, заключается в способности ее к выяснению человеческой культуры, поскольку последняя проявляется в материа-

лизации мысли, запечатленной графически, в книге.

Едва ли нужно пояснять, что, сообщая точные сведения о выходящих во всех углах земного шара произведениях печатного слова, библиография тем самым дает полную возможность в любой момент истории раскрыть всю сумму психической деятельности человека.

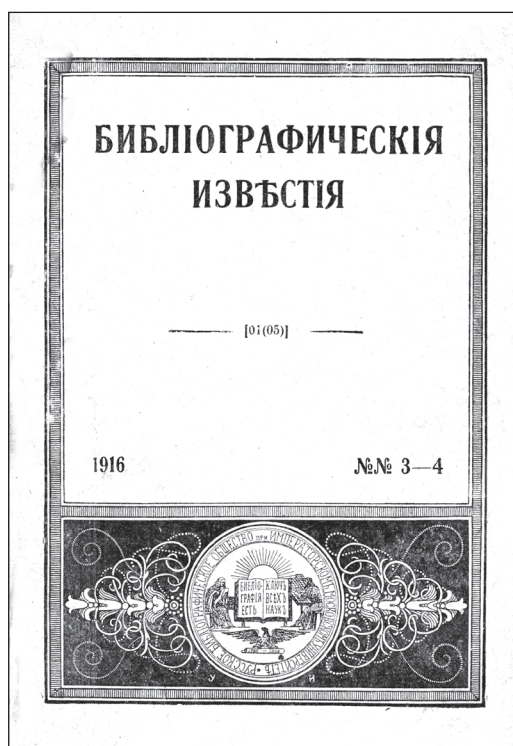
В самом деле, элементы библиографического описания, содержащие в себе как самую сущность произведения (его заглавие и анализ), так равно и все прочие внешние признаки, начиная с имени автора и кончая количеством отпечатанных единиц, — разве они не служат надежным материалом для всевозможных выводов и обобщений, характеризующих ту или иную страницу из жизни человечества?

Представим себе историка культуры грядущих поколений, ушедших от нас

так же далеко, как мы ушли от человека древнего востока. Сохранится ли тогда культ великого Толстого, — не знаем. Но те данные, которые этот историк будущего увидит в сухих библиографиях «толстовианы», с очевидной наглядностью раскроют перед ним напряженность вылившейся в печатном слове мысли, разбуженной гением великого философа. Так, остановив свой взор на библиографических летописях нашего времени, историк культуры увидит, что в течение последней четверти XIX века, в эпоху наибольшего расцвета гения Толстого, писатели 45 народов, начиная с великих народов запада и востока и кончая мелкими (как, напр., черемисы или сарты), работали над изучением Яснополянского мудреца, переводя его произведения и комментируя их¹.

Идя далее, историк увидит, как в этом направлении прогрессировала мысль человеческая и каким могучим толчком был для нее факт смерти Толстого, вызвавший в России в течение 1911 г., первого по смерти писателя, появление 4.253.600 экземпляров его произведений и давший таким образом 1 книжку на 18 чел. грамотного населения, — какой распространенности до того времени не достигал еще ни один писатель в мире².

Приведенные цифры скажут еще больше при сравнении их с статистическими данными книжной производительности того же момента, имевшей своим объектом официальное празднование 100-летнего юбилея войны 1812 г., когда в течение 1911 и даже следующего 1912 г., несмотря на усиленную работу не только частных, но даже правительственных лиц и учреждений, количество книг, посвященных юбилею, достигло

лишь немногим более 1.000.000 экземпляров³.

Никаких выводов в подобном направлении нельзя было бы сделать, не имея в руках библиографических изданий, — тех самых, которые, как мы говорили в начале, в глазах большинства имеют значение лишь простых «справочников».

Приведенный нами пример иллюстрирует мысль о способности библиографии служить материалом для учета интеллектуальных ценностей.

Было бы, однако, ошибочным сделать вывод, что библиография в ее современном состоянии обладает достаточными данными служить синтезом книжной мысли во всех ее проявлениях. Целью нашей заметки и является вопрос о той мере, в которой современная библиография выполняет это свое назначение.

¹ См.: Драганов «Гр. Л. Н. Толстой как писатель всемирный». СПб. 1903 г., стр. 4–5.

² Изв. Толст. музея. 1911 г. № 3–5, стр. 128.

³ Толстовск. ежег. 1912 г., стр. 227.

Как для целей справочных, так равно и историко-культурных, библиография должна покоиться на тройном фундаменте: 1) библиографические «списки» должны стремиться к исчерпывающей полноте; 2) самое «описание» должно обладать всеми библиографическими «реквизитами» (автор, год издания, заглавие и проч.); 3) приводимый материал должен быть расположен в строгом порядке библиографической классификации и алфавита.

Библиография в западных странах если и обладает некоторыми дефектами, то во всяком случае не настолько существенными, чтобы отнять у историка возможность путем тех или иных выводов восходить к вершинам синтеза книжной мысли.

Действительно, тот тройной фундамент, на котором должно покоиться прочное здание библиографии, давно заложен на Западе.

И потому, несмотря на то, что еще и до сих пор и даже в среде ученых продолжает господствовать односторонний взгляд на библиографию лишь как на справочный аппарат, в западной литературе нельзя не заметить факта внедрения библиографических данных в научные труды, которые все более и более испытывают потребность в библиографической аргументации.

На страницах русского библиографического журнала естественно задать вопрос, сообщает ли наша русская библиография достаточный и надежный материал для историко-культурных выводов.

Если нам и не удастся дать положительный ответ, то все же мы надеемся хоть несколько осветить этот вопрос, считая его исключительным по своей важности.

Наша библиография в отношении своей полноты, как хорошо известно, стоит ниже библиографии любого из цивилизованных государств.

Вспомним, на чем базируется и какие стадии прошла наша книжная регистрация.

После нескольких начинаний XVIII века русский бог послал библиографии Сопикова, давшего в своем «Опыте» первую почти исчерпывающую библиографию от начала нашего книгопечатания до 1813 г.

Казалось бы, что проще: его преемникам оставалось лишь одновременно с выходом новых книг (благо, их выходило очень мало, напр., за весь 1825 год только 575) вести, не мудрствуя лукаво, каталог.

Взамен этого мы видим какую-то библиографическую вакханалию.

Перед нами мелькают библиографы, каждый из которых ведет сызнова регистрацию, начиная ее с повторения работы предшественников: Смирдин своей «Росписью» поглощает предыдущие росписи Плавильщикова, Межов захватывает Смирдина, Гартье вторгается в Межова... А параллельно и «Журнал М. Н. П.» и «Правительственный Вестник» ведут собственные регистрации... И все начинают, и никто не кончает... И узел до того затягивается, что уже в преддверии XX века не только определенные лица (как проф. Венгеров), но даже целый библиографический коллектив (Московское библиографическое общество) не нашли другого исхода, как опять начать всю работу по регистрации книг, — всю с самого начала...

При таких условиях говорить о полноте нашей библиографии было бы по меньшей мере странным. Мы не только не имеем полной библиографии русских книг, — мы даже не знаем, сколько их вышло у нас приблизительно: миллион, или 500.000, или 200...

Пробовал было подвести нам итог Международный Библиографический Институт (см. «Труды» Конгресса 1910 г.), но после тщетных усилий, взамен такого итога, вынужден был констатиро-

вать, что данные книжной производительности России полны противоречий («pleines de contradictions»).

Итак, первое условие, при котором библиография становится основой для культурно-исторических исследований, — полнота материала в русской библиографии отсутствует. И потому наша библиография позволяет вести лишь частичные работы в этом направлении: в тех лишь случаях, когда исследователь, по счастью, встречается в нашей библиографической литературе светлую полосу.

Что касается прочих условий, претворяющих библиографию в материал для выводов историка, — полноты реквизитов и стройности классификационной схемы, то и в этом отношении наша библиография не может дать достаточного материала для историка культуры.

Особенно страдает она от многих и несовершенных схем, которые, как неоднократно замечалось в литературе⁴, разъединяют и без того наши разбросанные всевозможные списки, реестры, указатели и каталоги.

Оставаться равнодушным, видя столь убийственное состояние нашей библиографии, невозможно. И долг русского библиографа неустанно повторять о необходимости иметь полную библиографию книжной производительности России.

Едва ли было бы рациональным (как это полагает, напр., г. Семенников) вновь составлять библиографию XVIII в. При наличии Сопикова было бы возможно ограничиться лишь присоединением к названиям, данным в «Опыте», количества выпущенных экземпляров.

Вся же тяжесть труда должна пасть на XIX век с его бессвязными каталогами, которые даже после их сводки не могут дать полного библиографического ансамбля.

Организовать библиографию XIX века и есть настоятельно необходимая и не терпящая отлагательств работа, которая, несмотря на всю ее трудность, должна быть выполнена русскими библиографами во имя не только русской, но и всеобщей культуры.

Каждый пропущенный день — библиографическое преступление, каждый неудачный опыт — доказательство библиографического недомыслия.

Мы должны очистить свою собственную библиографическую совесть и поднять престиж русской библиографии в глазах цивилизованного мира.

Мы должны составить полную библиографию русских книг XIX века.

Но как?

Прежде всего нам, русским библиографам как столичным, так и провинциальным, надо сплотиться для планомерной организации работ, чтобы избежать столь обычного у нас распыления сил и средств. Положит ли почин в этом одно из существующих в России библиографических обществ, или инициативу возьмет всероссийский библиографический съезд (нужда в котором очевидна), — вопрос этот второстепенный. Так или иначе силы библиографов должны быть объединены.

Не говоря уже о трудности такого организационного достижения, на пути русской библиографии в этом отношении стоит еще более тяжелая преграда, которая, может быть, и является главной причиной того, что до сих пор мы топчемся на одном месте.

Ввиду особой серьезности этой преграды на нее необходимо обратить и особо серьезное внимание.

Русские библиографы уже давно раскололись на два толка: библиографов-общественников и академистов. И пропасть между ними становится все глубже и глубже.

Идеология «академистов» проста: видя в библиографии своего рода «codex diplomaticus» литературы, чер-

⁴ См. статьи в энциклопедических словарях: «Просвещения» (Н. М. Лисовского) и «Граната» (нашу).

пать из которого может каждый, нуждается ли он в простой справке или в материале для историко-культурных исследований, — библиографы-академисты требуют от библиографии прежде всего исчерпывающей полноты.

Тысячи раз раздавались одни и те же аргументы: библиограф не может знать, с каким запросом будут подходить к его труду, должен тщательно собрать все наличие литературы, существенной или несущественной она рисуется в его глазах.

Иначе смотрят «библиографы-общественники».

Возвышая библиографию на степень самодовлеющей дисциплины воспитательного характера, они отождествляют библиографические списки с «рекомендательным» каталогом.

Они так далеко заходят в этом отношении, что о библиографах-академистах не могут говорить иначе как с сожалением, а то иронией и даже озлоблением.

Прислушайтесь, и вы ясно услышите от «общественников» недоумевающий вопрос:

— Какой смысл этих столь же бесконечных, сколько и бесполезных работ...

Мягкосердечные «общественники» искренне жалеют нас, «бедных мучеников», убивающих дорогое время на описание книг, «которые никому не нужны»...

Более желчные обрушиваются на нас всей тяжестью своего сарказма.

Вот с чем нам, «академистам», необходимо бороться, чтобы устранить с нашего пути преграды, мешающие выполнению лежащей на нас обязанности библиографизировать русскую книгу XIX века.

Нам надо сорвать маску с этих гг. «общественников», чтобы русское общество, сочувствие которого необходимо для успеха в наших работах, воочию увидало, кто прав.

Надо прежде всего позаботиться о восстановлении истины, которую так усердно затемняют своими lamentаци-

ями гг. «общественники». Ибо насколько несостоятельно мнение о бесполезности полной библиографии русских книг, настолько лживо утверждение о том, что мы враждебны самой идее «избранной» библиографии.

Мы должны возможно определеннее раскрыть свое «profession de foi». И пусть судит нас русская жизнь: сор ли мы, загрязняющий ее, и без того неприглядную, или творческий элемент, необходимый для шествия вперед.

Мы говорим: библиография, — трактовать ли ее односторонне, как справочный аппарат, или присоединять к ней также задачи историко-культурного характера, — прежде всего должна стремиться к исчерпывающей полноте.

Мы поясняем: библиография в такой концепции не имеет права игнорировать ни одной книги, будь это даже самая ничтожная брошюра.

Отрицателям полной библиографии можно было бы указать немало примеров, когда даже такие брошюры служат «на потребу»⁵.

⁵ Достаточно указать хотя бы одну из таких брошюр под заглавием «Жизнь, счастье и гр. Толстой», которая дала лично нам не только много пищи для отвлеченных размышлений, но даже и богатый материал для конкретных суждений.

Автор этой брошюры, «известный» библиограф г. Битовт, приводит 4 письма к «одной девушке», в которых из желания спасти свою корреспондентку от увлечения гр. Толстым разъясняет ей «истинную» сущность философии и морали великого писателя. Разъяснения г. Битовта сводятся к следующим положениям (будем говорить его собственными словами, изменяя лишь своеобразную орфографию г. Битовта: при торговле, этаго, воесь и т. п.):

1) Как интеллект, Толстой — весьма невысок: в нем видны «узость интересов и ограниченность кругозора» (стр. 15). 2) Толстой невежественен, так как «не получил высшего образования» (стр. 20). 3) Философия Толстого — это не учение, а «ерунда, о которой и говорить серьезно не следовало бы» (стр. 16). 4) Как моралист-теоретик Толстой тоже «не выдерживает критики» (стр. 31). 5) Мораль же самого Толстого доказывает, что он нечестный человек, так как допускает нечестные приемы «при торговле своими произведениями» (стр. 23); лживый лицемер, так как учит, что «деньги — зло», и в то же время «набирает этого зла на 1–2 миллиона» (стр. 24); алчный, так как за свои сочинения

Отстаивая для библиографии полноту объема, считая в этом отношении исчерпывающую полноту библиографическим идеалом и всемерно стремясь к нему, мы в то же время должны бороться и против распространяемых нашими противниками неверных утверждений, будто в программу нашу входит полное отрицание библиографии «избранной» или так называемых «рекомендательных» списков.

Этого мы не утверждаем.

Больше того, мы полагаем, что циркулирование подобных списков весьма желательно и полезно.

«дерет страшные цены» и «не делает обычной скидки книгопродавцам» (стр. 22); человеконенавистник, так как «не любит человечество» (стр. 18) и «ломается, издевается над личностью бедняков» (стр. 24) и т. д. и т. п. Заканчивает г. Битовт свое обличение словами: «Выступая в свет с этой брошюрой, я, так сказать, публично заявляю о своих идеалах, которых я себе поставил как цель всей моей жизни, всей моей деятельности, и постараюсь никогда не отступить от них, вплоть до могилы» (стр. 41).

Разве не проливает брошюрка эта обильный свет на дальнейшую деятельность нашего «известного» библиографа?

Твердо решив не отступать от высказанных «идеалов» «вплоть до могилы», г. Битовт вскоре печатает свой новый, на этот раз библиографический, труд о Толстом «Граф Л. Толстой в литературе и искусстве» и в первых же словах предисловия торжественно заявляет, что он выступает с трудом, посвященным Толстому как «гиганту мысли», желая содействовать «полному изучению его личности, его литературы и его религиозно-философского мировоззрения». Несмотря на весь интерес русского общества к любимому писателю («гиганту мысли»), труд г. Битовта не пошел, так как в библиографическом отношении оказался весьма слабым. Г. Битовт направляет тогда экземпляр своего «труда» (библиографию, а не первую брошюру) в Ясную Поляну самому Льву Николаевичу. Получив от Л. Н., как и следовало ожидать, письменную благодарность, г. Битовт переснимает письмо, вклеивает его рядом с предисловием, помещает на титульном листе лаконичное: «С приложением письма гр. Толстого» и... продажа сразу делается бойкой.

Не нужно обладать пылкой фантазией, чтобы установить моральную связь между рассказанной брошюрой о Толстом, трудом по библиографии «гиганта мысли» и последним подвигом г. Битовта по составлению всеисчерпывающей русской библиографии, «сгоревшей» после получения аванса от Академии Наук...

В таких списках мы видим могучее средство для распространения знаний, и само существование списков является в наших глазах лучшим доказательством жизненности библиографии.

Мы не можем лишь согласиться с «библиографами-общественниками» в том, что наличие этих списков делает беспечным труды по составлению полной библиографии, что эти списки являются альфой и омегой библиографии.

С таким воззрением мы действительно не соглашаемся и не согласимся.

Цель «рекомендательных» списков, — говорим мы, — педагогическая, и, не покушаясь на них, мы даже склонны смягчить для них все требования строгой библиографии. Не обладая полнотой объема, «рекомендательные» списки, по нашему мнению, могут обойтись и без некоторых реквизитов описания, как, напр., обозначения количества экземпляров.

Вообще к рекомендательным спискам, как к особому специальному роду библиографической литературы, мы прилагаем и особые требования.

И не к умалению, а тем более упразднению их мы стремимся, но, наоборот, к сохранению их и возвышению.

Мы вышли бы далеко за пределы поставленной себе задачи, если бы стали развивать аргументы в пользу «рекомендательной» библиографии.

Точно так же мы не станем распространяться и о тех требованиях, которые должны предъявляться к таким рекомендательным спискам. Лишь об одном наиболее существенном требовании мы не можем умолчать. Требование это — чтобы списки составлялись лицами компетентными, специалистами.

А как грешат в этом отношении все эти «примерные» указатели, «рекомендательные» каталоги, списки «избранных» книг!..

Вот вместо расточения энергии на борьбу с библиографами-академи-

стами было бы куда продуктивнее беречь ее на привлечение к своему делу людей, компетентность которых могла бы стать порукой действительно полезного подбора книг

Но мы убеждены, что такие серьезные деятели просвещения для составления списков по своим специальностям потребовали бы общего списка всех без исключения книг, из которого они могли бы черпать нужные им сведения.

Лишь обладая таким исчерпывающим списком, они смогли бы, пользуясь услугами книгохранилищ, в натуре рассмотреть нужную литературу и сказать свое последнее и веское слово.

И опять, таким образом, выходя из заколдованного библиографического круга, мы приходим к необходимости составления полной библиографии.

Она должна быть нашей путеводной звездой, озаряющей сумерки библиографической жизни...

Достигнув поставленной нами задачи, мы выкуем ключ, который позволит открыть сокровищницу нашей богатой книжной культуры.

И тогда всем станет ясно, что библиография, действительно, есть синтез книжной мысли.

Библиографические известия : журнал, издаваемый Рус. библиогр. о-вом при Имп. Моск. ун-те. 1916. Год IV. № 3–4. С. 83–90.

Публикацию подготовили

Светлана Александровна Карайченцева

Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, доцент, кандидат филологических наук, Россия, Москва

Елизавета Михайловна Сухорукова

Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, доцент, кандидат филологических наук, Россия, Москва

Svetlana Aleksandrovna Karaychentseva

Moscow Polytechnic University, High School of Printing and Mediaindustry, associate professor, candidate of philological sciences, Russia, Moscow

Elizaveta Mikhailovna Sukhorukova

Moscow Polytechnic University, High School of Printing and Mediaindustry, associate professor, candidate of philological sciences, Russia, Moscow

Вышли в свет

Библиографические указатели

Адлер М. Как читать книги : руководство по чтению великих произведений / Мортимер Адлер; перевод с английского Л. Плостак ; [предисловие Б.С. Есенькина]. — 8-е изд. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021 (Киров : Дом печати — Вятка). — 334, [1] с. — Имен. указ.: с. 333–335. — Перевод изд.: 2000 экз.

How to read a book / Mortimer Adler. Simon & Schuster. — 2000 экз.

Бахтина Е. В. Жизнь, освещенная книгой : научная биография Василия Федоровича Сахарова (1901–1986) / Е. В. Бахтина. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2021 (Санкт-Петербург : Типография «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)). — 286, [1] с., [3] л. ил. — Публ. В. Ф. Саха-

рова, лит. о нем: с. 267–285 (59 назв.). Библиогр.: с. 210–245 (418 назв.). — 100 экз.

Библиографическая деятельность Российской государственной библиотеки : библиографический указатель / ... Научно-исследовательский отдел библиографии; составители: Т. Я. Брисман [и др.]. — Москва : Пашков дом, 2021 (Москва : Пашков дом). — 300 экз.